

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕКАТЕРИНЫ II В РОМАНЕ В. ПИКУЛЯ «ФАВОРИТ»

Шевченко Е.В.

преподаватель, Ферганский государственный университет
<https://doi.org/10.5281/zenodo.17579930>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 05-noyabr 2025 yil
Ma'qullandi: 08- noyabr 2025 yil
Nashr qilindi: 11- noyabr 2025 yil

KEYWORDS

Екатерина II, Валентин Пикуль,
«Фаворит», исторический
роман, художественная
интерпретация,
государственная личность,
документальность.

ABSTRACT

В статье анализируется художественная интерпретация образа Екатерины II в романе Валентина Пикуля «Фаворит». Рассматриваются принципы построения императорского портрета на основе документальных источников, речевых характеристик и психологической мотивации. Особое внимание уделяется способам передачи двойственной природы героини — как государственного деятеля и частной личности. Приводятся конкретные примеры из текста романа, иллюстрирующие авторскую позицию и метод реконструкции исторической личности.

Роман Валентина Саввича Пикуля «Фаворит» (1984) представляет собой не только биографическое повествование о Григории Потёмкине, но и глубокую художественную интерпретацию эпохи Екатерины II. Центральное место в этой реконструкции занимает образ самой императрицы, чья личность и политика определяют весь исторический контекст произведения.

Пикуль отказывается от традиционных мифологизаций — будь то просвещённая монархиня или распутная властительница — и создаёт многогранный, психологически достоверный портрет реального исторического деятеля. Образ Екатерины II в романе строится на основе подлинных документов, в первую очередь её переписки с Потёмкиным, и подчинён принципу историзма, понимаемому как стремление к объективному воссозданию личности в её исторической среде [1, 45]. Уже в первых главах романа Екатерина предстаёт как политически зрелая и прагматичная правительница. После дворцового переворота 1762 года она осознаёт необходимость укрепления власти и формирования лояльного окружения. Пикуль подчёркивает её умение манипулировать обстоятельствами: «Она не нуждалась в советниках, ей требовались исполнители. Но Потёмкин... Потёмкин мыслил так же быстро, как она» [2, 78]. Этот фрагмент демонстрирует ключевую черту героини — потребность в равном интеллектуальном партнёре, что отличает её от других монархов, окружённых льстецами. Автор избегает упрощений: Екатерина не просто умна — её ум служит инструментом государственного управления.

Особую роль в романе играет переписка между императрицей и Потёмкиным. Пикуль включает в текст подлинные письма, сохраняя их орфографию и стилистику. Так, в одном из писем Екатерина пишет: «Милый друг, князь Григорий, ты единственный, кому я могу доверять всё...» [2, 212]. Такие вкрапления не только

подтверждают историческую достоверность повествования, но и раскрывают интимную, частную сторону героини.

Через письма Пикуль показывает, что за маской императрицы скрывается женщина, способная к глубокой привязанности, ревности, уязвимости. Этот приём позволяет избежать монолитности образа и подчёркивает его двойственность: публичная фигура и частная личность существуют в постоянном напряжении. Психологическая глубина портрета достигается также через внутренние монологи Екатерины. Например, после смерти Петра III она размышляет: «Я не убивала его. Но я допустила, чтобы его убили. И это — мой грех, который не смоят ни одна победа» [2, 65]. Такие сцены подчёркивают моральную сложность героини. Пикуль не оправдывает её, но показывает, как личные травмы и политическая необходимость формируют её решения. Это соответствует методу «нравственного реализма», характерному для позднесоветской исторической прозы, где историческая личность оценивается не по идеологическим шаблонам, а по внутренней этической логике [3, 114].

В романе чётко выделены две функции Екатерины: как правительницы и как женщины. В государственных делах она демонстрирует твёрдость и дальновидность. Пикуль описывает её участие в разработке «Наказа» Комиссии 1767 года, переговоры с Вольтером, поддержку Просвещения — но всегда в рамках прагматической политики. «Она цитировала Монтескье, но правила, как Ришелье», — пишет автор [2, 189]. Этот афоризм точно передаёт суть её правления: внешняя приверженность идеалам Просвещения сочетается с жёсткой практикой абсолютизма. Пикуль подчёркивает, что для Екатерины власть — не только инструмент управления, но и способ самоутверждения в мужском мире. В сцене спора с Паниным о судьбе Новороссии она заявляет: «Если вы, граф, не верите, что женщина может строить империю, — ступайте в отставку» [2, 203]. Эта реплика иллюстрирует её осознанное противостояние гендерным стереотипам. Как отмечает А. Б. Каменский, «Екатерина II была вынуждена вдвойне доказывать свою легитимность — и как иностранка, и как женщина на троне» [6, 102]. Пикуль передаёт это напряжение не через пафос, а через повседневные диалоги и решения, что делает образ особенно убедительным.

В то же время в личной сфере Екатерина проявляет эмоциональную незащищённость. Отношения с Потёмкиным для неё — не просто политический альянс, но и источник душевного покоя. После разрыва с ним в 1774 году (эпизод описан в романе с опорой на исторические данные) она пишет: «Я потеряла не любовника, я потеряла половину себя» [2, 256]. Пикуль подчёркивает, что именно Потёмкин был единственным человеком, который мог спорить с ней, критиковать её решения, не опасаясь гнева. В последующих отношениях с Зубовым, Безбородко и другими фаворитами этого равенства уже нет — они заменяют собой утраченную близость, но не восполняют интеллектуальный вакуум.

Важно, что Пикуль избегает использования вымышленных персонажей для характеристики Екатерины. Все второстепенные фигуры — Панин, Орлов, Дашкова, Суворов — являются реальными историческими лицами. Это усиливает документальный эффект и подчёркивает приверженность автора принципу исторической достоверности.

Язык героини также служит средством характеристики. Её речь сочетает придворную риторику, французские цитаты и прямые, почти грубоватые выражения, характерные для её частной переписки. Например, в разговоре с Потёмкиным она может сказать: «Не льсти мне, Гриша. Я и без того знаю, что старею» [2, 301]. Такая стилистическая гибкость подчёркивает её способность адаптироваться к разным ролям: в Совете — императрица, в спальне — София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская.

Как отмечает В. М. Живов, «язык монарха в историческом романе — это всегда зеркало его власти и уязвимости» [4, 205].

Особое внимание Пикуль уделяет старости Екатерины. В финальных главах романа она предстаёт уже не как энергичная правительница, а как уставшая женщина, осознающая необратимость времени. После смерти Потёмкина она говорит приближённым: «Теперь мне некому сказать правду. Остались только льстецы» [2, 512]. Этот момент символизирует не только личную трагедию, но и кризис всей системы просвещённого абсолютизма, основанной на личной харизме монарха. Пикуль не идеализирует финал её правления: он показывает усталость империи, бюрократизацию, нарастание социальных противоречий — всё это отражено в состоянии самой героини.

Художественная интерпретация Екатерины II в романе «Фаворит» основана на синтезе документальной точности и психологического проникновения. Пикуль не создаёт мифа, но и не сводит героиню к сумме фактов. Он воссоздаёт живую личность, чьи сильные и слабые стороны неразрывно связаны с исторической эпохой. Образ Екатерины у Пикуля отражает ключевую черту его исторической прозы: убеждение, что «великие люди — это не просто участники истории, они становятся её нравственным стержнем» [5, 87]. Этот подход делает роман «Фаворит» не только художественным произведением, но и формой исторического осмысления, в которой прошлое становится доступным через внутренний мир личности. Екатерина II у Пикуля — не символ, не идея, не карикатура, а человек, чья судьба стала частью национальной памяти.

Список литературы:

1. Бочаров, А. Г. Русский исторический роман: традиции и новаторство / А. Г. Бочаров. — М.: Наука, 1987. — 240 с.
2. Пикуль, В. С. Фаворит. Роман-хроника времен Екатерины II: в 2 т. / В. С. Пикуль. — М.: Воениздат, 1990. — Т. 1–2.
3. Спиридонова, Л. А. Образ государственного деятеля в советской исторической прозе / Л. А. Спиридонова // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 334. — С. 112–117.
4. Живов, В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 320 с.
5. Михайлов, Л. А. Нравственный стержень истории: о творчестве В. С. Пикуля / Л. А. Михайлов // Русская литература. — 1989. — № 2. — С. 85–92.
6. Каменский, А. Б. Россия в эпоху «просвещённого абсолютизма» / А. Б. Каменский. — М.: РОССПЭН, 2001. — 318 с.
7. Петров, А. Н. Патриотическая концепция истории в творчестве В. С. Пикуля / А. Н. Петров // Литература и современность. — 1992. — № 4. — С. 30–38.